

Подосинов А.В.

Сведения Диона Хрисостома о варваризации Ольвии в I в. н.э. и данные археологии и эпиграфики

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3464>]

[Публикация работы:]

Подосинов А.В. 2012: Сведения Диона Хрисостома о варваризации Ольвии в I в. н.э. и данные археологии и эпиграфики // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. 6, 157-187.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ

ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

А.В. Подосинов

СВЕДЕНИЯ ДИОНА ХРИСОСТОМА О ВАРВАРИЗАЦИИ ОЛЬВИИ В I В. Н. Э. И ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ И ЭПИГРАФИКИ¹

Особенности и закономерности в соотношении информации литературных источников и информации, предоставляемой нам данными археологии и эпиграфики, удастся проследить на очень немногих примерах, особенно это касается Северного Причерноморья, поскольку большинство античных авторов, писавших об этом регионе, черпали свою информацию из вторых рук, зачастую ее происхождение восходит ко времени, удаленному от автора на десятилетия, а то и на столетия. Поэтому часто оказывается невозможным соотносить реалии, описываемые, скажем, Плинием Старшим в конце I в. н. э., с реалиями археологического свойства его же времени, поскольку сведения Плиния восходят иногда к догеродотовым источникам, т. е. датируются 5–6 веками ранее².

Тем интереснее для нас свидетельства тех немногих очевидцев, которые не только сами побывали в Причерноморье, но и запечатлели свои наблюдения в письменной форме. Считается, что их свидетельства наиболее аутентичны,

¹ Различные версии этой статьи были прочитаны автором в Санкт-Петербурге на конференции «Боспорский феномен» в ноябре 2005 г., на конференции в Маккварском университете в Сиднее и в Мельбурнском университете в сентябре 2006 г., в Центре антиковедения Российского государственного гуманитарного университета в ноябре 2006 г., на конференции в Барселоне в мае 2007 г., а также в Киеве в мае 2009 г. Я благодарен всем коллегам за конструктивное обсуждение моих тезисов. Настоящая статья развивает положения, которые были в краткой форме изложены в: Подосинов 1979: 19–32 и Подосинов 2005: 9–16.

² Скржинская 1977: 55.

описывают реальную действительность, и эти описания можно напрямую сопрыгать с данными археологии и эпиграфики.

Таких очевидцев на всю античную греко-римскую литературу на протяжении 12–13 вв. ее существования насчитывается всего, может быть, четверо – это греческий историк Геродот, который в V в. до н.э, посетил, по-видимому, Ольвию, затем римский поэт Овидий, который был сослан в начале I в. н. э. в западнопонтийский город Тома, греческий ритор и философ Дион Христом, побывавший в той же Ольвии в конце I в. н. э., и, наконец, римский политический деятель и писатель Арриан, который, будучи правителем Каппадокии, совершил инспекционную поездку вдоль берегов Понта от Трапезунта до Диоскуриады (совр. Сухум) и составил в 130/131 г. н. э. сообщение об этом путешествии, адресованное императору Адриану (*Periplus Ponti Euxini*). Но и сравнение этих сообщений с археологическими данными оказывается не таким простым делом.

Что касается Геродота, то проблема соотношения его данных и данных археологии является столь же классической, сколь и вечной как для скифологии и истории севернопонтийского греческого мира, так и для литературного источниковедения. На примере «Скифского логоса» Геродота и его интерпретации хорошо видно, насколько могут расходиться рассказы очевидца (или передатчика сведений местного населения) и археологические реалии³. Даже пребывание Геродота в Ольвии ставится иногда под сомнение⁴.

Понтийские элегии Овидия также лишь с трудом позволяют сквозь поэтические декорации места обитания поэта увидеть реалии местной жизни⁵. Картина полностью варваризованного греческого города настолько противоречит археологическим и эпиграфическим данным этого периода, что, как и в случае с Геродотом, недавно возникла теория, что Овидий никогда не был в Томах⁶.

О «Перипле Понта Эвксинского» Арриана известно, что он составлен не только по личным впечатлениям автора, но и на основе различных литературных периплов, которые давали традиционные сведения о Черном море и восходили к более ранним временам⁷.

В настоящей статье я хотел бы коснуться проблемы соотношения письменных и археологических источников на примере XXXVI (так называемой Борисфенитской) речи Диона Христома (ок. 45 – ок. 115 гг. н. э.), посетившего

³ См.: Доватур и др. 1982: passim; ср.: Levy 1994: 64–70.

⁴ См., например: Armayor 1978: 45–62; Georges 1987: 97–147; Nowak 1988.

⁵ Подробнее см.: Подосинов 1985.

⁶ Fitton Brown 1985: 19–22; Hofmann 1987: 23; Hofmann 2001: 8–19; Hofmann 2006: 93–106.

⁷ См., например: Silberman 1995: x, xv–xvi.

Ольвию, скорее всего, в 97 г. н. э. Описание Ольвии в этой речи считается одним из наиболее достоверных и важных источников по истории Ольвии и Северо-Западного Причерноморья в это время⁸. В качестве вопроса, требующего разрешения, избираем лишь один аспект, а именно, **варваризации греческого города** в конце I в. н. э., как она представлялась очевидцу и как она вырисовывается по археолого-эпиграфическим данным.

Итак, что же рассказывает нам Дион о своих впечатлениях в Ольвии?

В своей речи Дион вспоминает, как он, будучи в Ольвии, прогуливался вне стен города по берегу реки Гипанис (совр. Южный Буг), далее он рассказывает своей аудитории в вифинском городе Прусе⁹ об Ольвии, которую он называет ее старинным именем Борисфен, как об изолированном, находящемся на краю греческого мира эллинском городе, описывает ее географическое положение, ее торговлю, ее упадок вследствие непрерывных атак окружающих варваров и ее сократившуюся по сравнению с периодом процветания территорию (1–6). Последнее и самое разрушительное варварское нападение произошло за 150 лет до приезда туда Диона – геты захватили Ольвию и другие города Северо-Западного Понта (4), что стало причиной упадка греческих городов. Ольвия была восстановлена по инициативе местных скифов, которые нуждались в торговых центрах (5). Но город не восстановился еще в прежних размерах, городские стены низкие и непрочные. В храмах города и на его некрополе не сохранилось ни одной статуи, не поврежденной варварами (6). Ольвиополиты (Дион называет их борисфенитами) почитают Ахилла и Гомера и, хотя по-гречески говорят уже не совсем чисто, большинство из них знают «Илиаду» наизусть (9). Затем Дион встречает несколько своих знакомых ольвиополитов и среди них юношу Каллистрата, который появился на коне в полном скифском наряде (7); следует беседа с Каллистратом о поэзии (10–15). Накануне скифы совершили нападение на предместье Ольвии, и потому в городе объявлена тревога (15–16). Поэтому все идут в город, где у храма Зевса собралось много граждан, чтобы послушать речь Диона (16–17). Диону нравится его аудитория, которая выглядит весьма архаично, – почти все они имеют длинные волосы и бороды. Только один из них выбрит, и все относятся к нему с презрением, видя в этом подобию страсти перед римлянами (17). Далее следует обсуждение проблемы полиса (18–23), прерванное местным, весьма почитаемым в Ольвии старцем по имени Гиеросонт (Ἱεροσὼν), который просит его сменить тему разговора и поговорить о космосе и богах – небесном полисе (24–27). Дион охотно соглашается и произносит на эту тему большую речь (28–61).

⁸ См. работу В.В. Крапивиной в: Крыжицкий и др. 1999: 295: «единственный письменный источник, освещающий этот этап жизни города».

⁹ Именно в Прусе, родном городе Диона, была произнесена Борисфенитская речь.

Многие современные исследователи (главным образом российские и украинские археологи и историки) утверждают, основываясь на данных Диона, что наш автор столкнулся в Ольвии с сильно варваризованным греческим городом. Причиной такой варваризации считается завоевание городов Северо-Западного Понта, осуществленное гетскими племенами под предводительством царя Биребисты (ок. 50 г. до н. э.) и известное как по упоминанию самого Диона, так и по некоторым другим источникам¹⁰. Это завоевание открыло, по мнению исследователей, в истории этих городов «новый период: подобно Ольвии, они должны были утратить свой преимущественно греческий характер и стать греко-фракийскими центрами»¹¹. Описание Диона (как и жалобы Овидия на варварское окружение в Томах) должно было, в рамках этой концепции, иллюстрировать варварский характер города.

Что же можно извлечь на этот счет из описания Диона? Прежде всего, это – тревожность жизни в окружении воинственных племен: особое внимание автора привлекают защитные сооружения (стены, башни, ворота), организация дозоров и охраны городских ворот, постоянная угроза нападения воинственных кочевников (4–6, 8, 15–16). Но это еще ничего не говорит о варваризации внутри стен города.

В то же время Дион (как и Овидий) отмечает «варварский» облик обитателей городов: длинные волосы и бороды, «скифский» характер костюма (включающего шаровары) и, наконец, варваризацию их языка. В этом, как правило, видят главные черты варваризации Том и Ольвии. В случае с Овидием договариваются до гето-греческого симбиоза¹²; по словам М.Л. Гаспарова, «по-латыни в городе не говорил никто: большинство горожан составляли геты и сарматы, буйные и драчливые, меньшинство греки, давно перенявшие и варварский выговор, и варварскую одежду...»¹³; рассказ Диона рассматривают как «наглядную иллюстрацию сильной варваризации ольвийского населения в конце I в. н. э.»¹⁴, как «очень яркую картину варваризации греческого города»¹⁵, где Дион «мог воочию убедиться в щедрой примеси варварского элемента в составе городского населения»¹⁶.

¹⁰ Блаватская 1952; Daicoviciu 1972.

¹¹ Блаватская 1952: 177.

¹² См., например: Lambrino 1958: 379–390.

¹³ Гаспаров 1978: 201. Ср. почти буквальный парафраз этого пассажа в: Русяева А.С., Русяева М.В. 2004: 153: «Большинство жителей г. Томиса составляли тогда драчливые геты и сарматы, а эллины переняли у них и выговор, и одежду».

¹⁴ Блаватский 1949: 57.

¹⁵ Шелов 1975: 126.

¹⁶ Латышев 1887: 173; см. также: Книпович 1956: 135; Treu 1961: 141; Бураков 1976: 143–145; Античные государства 1984: 38.

Внимательное рассмотрение соответствующих данных Диона заставляет, однако, усомниться в корректности такого взгляда и на сведения нашего автора, и на реальную ситуацию в Ольвии.

Итак, что же в словах Диона о костюме, прическах и языке ольвиополитов свидетельствует о варваризации Ольвии?¹⁷

Варварская одежда. Лишь однажды Дион упоминает «варварский» наряд ольвиополитов, а именно при описании одного из них – Каллистрата, который только что вернулся в город в полном вооружении и на коне после несения военной службы вне города. «Он был опоясан, – говорит Дион, – большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство (ἀναξυρίδες εἶχε καὶ τὴν ἄλλην στολήν Σκυθικήν), на плечах был небольшой тонкий черный плащ, какой обыкновенно носят борисфениты. И другая одежда у них по большей части черного цвета по примеру одного скифского племени, которое, как мне кажется, от этого получило у эллинов название меланхленов»¹⁸. Такое специальное внимание к необычному костюму появившегося всадника показывает, что он не был типичным и общераспространенным в повседневной жизни греческого города¹⁹.

Конечно, «скифская» одежда у греков Северного Причерноморья – отнюдь не литературный вымысел. Надгробные рельефы с изображением боеспорян римского времени также показывают распространение среди греков кочевнического костюма (как правило, у вооруженных всадников), который включал в себя штаны типа персидских шаровар²⁰. Не стоит, однако, полагать, что такая одежда была повседневной, как кажется некоторым исследователям. Судя по рельефам и словам Диона, она использовалась, в основном, в зимнее время и только в коннице, перенявшей наряду с одеждой многие приемы ведения войны и типы вооружения у местной, более развитой конницы кочевнических племен²¹. Такое заимствование греками местных форм

¹⁷ Именно эти особенности считаются обычно показателями варварства греков; см., например: Шелов 1975: 126: «Очень яркую картину варваризации греческого города рисует нам Дион Хрисостом. Он рассказывает, что ольвиополиты носили скифский костюм, имели длинные волосы и бороды, а не брились, как римляне, не расставались с оружием, говорили по-гречески недостаточно чисто».

¹⁸ Перевод из речи Диона здесь и далее В.В. Латышева из: ВДИ. 1948. 1. С. 228–232.

¹⁹ См.: Kreuz 2012: «Eine ikonographisch kanonisierte Wiedergabe einer solchen „skythischen“ Tracht im Bereich der sepulkralen Repräsentation lässt sich für Olbia anhand des publizierten Materials bislang nicht nachweisen».

²⁰ См., например: Блатовский 1947: 44. Илл. 18, 20, 62, 63; Давыдова 1990: Илл. 43, 45–52; Соколов 1999: 375, 435 и илл. 265, 266, 268, 270, 312; Kreuz 2012: см., например, Abb. 64, 65, 67, 74, 77, 78, 81, 89, 91, 94, 96 и многие другие.

²¹ См.: Горончаровский 2003: 32–47.

оружия и одежды, наиболее пригодных для местного климата, и приемов ведения войны с конными кочевниками присуще, вероятно, любым периферийным городам, живущим в непривычных климатических условиях и в окружении враждебных племен, и не может свидетельствовать о варваризации греческого города²². Кстати, штаны как скифская одежда упоминаются Геродотом (IV. 71) и Псевдо-Гиппократом (*De aere*. 22) именно в контексте наездничества варваров.

Описание костюма Каллистрата завершается, как мы видели, следующей деталью: «На его плечах был небольшой тонкий черный плащ, какой обыкновенно носят борисфениты. И другая одежда у них по большей части черного цвета по примеру одного скифского племени, которое, как мне кажется, от этого получило у эллинов название меланхленов». Если учесть, что меланхлены впервые были упомянуты Гекатеем Милетским (Frg. 185 Jacoby) и Геродотом (IV. 20; 100–101; 107; 119; 125) и их локализация связана, как правило, с Восточным Приазовьем и Северным Кавказом, следует приписать происхождение черного цвета ольвийского костюма от племени меланхленов начитанности самого Диона²³.

Длинные волосы и бороды. Длинные волосы и бороды, которые иногда представляют как варваризацию внешнего облика ольвийских греков, были довольно обычными у причерноморских греков. Об этом недвусмысленно говорит Дион, описывая собравшихся вокруг него ольвиополитов: «Философу очень понравилось бы это зрелище: все они были на древний манер, как говорит Гомер об эллинах, длинноволосые и бородатые» (17). Показательно продолжение описания: «Один только между ними был выбрит, и его все поносили и ненавидели: говорили, что он сделал это не по другой какой-либо причине, а из желания польстить римлянам и доказать свою дружбу к ним». Итак, длинные волосы и борода отнюдь не свидетельствуют о варваризации греков; наоборот, это продолжение древней греческой моды, кажушейся римлянам, ко-

²² Ср.: Латышев 1887: 185: «Принятие скифского костюма без сомнения было обусловлено особенностями местного климата, которому эллинское платье менее соответствовало»; см. также: Античные государства. С. 236; Крыжицкий и др. 1999: 525 (авторы Крапивина и Скржинская); Kreuz 2012: 322–329; ср. S. 322, Anm. 6: «Als Reitertracht und eventuell auch geeignet für das lokale Klima wurde die Tracht im Alltag genutzt und daher auch dargestellt (in den Grabreliefs. – *А.П.*)»; см. однако: Крыжицкий, Лейпунская 1997: 37; авторы видят в скифском костюме, отмеченном Дионом, усиление «влияния окружающих племен, особенно в материальной культуре». В качестве аналогичного случая можно привести пример донских казаков (бывших рязанских крестьян), которые переняли оружие и одежду (бурку, папаху, черкеску, кинжал и т. д.) у местных кавказских горцев, оставаясь русскими по всем другим этническим параметрам.

²³ Уже Э. Миннс заметил это: «Дион выводит его [черный костюм] от меланхленов, которые никогда не жили где-нибудь поблизости от Ольвии» (Minns 1913: 467).

торые предпочитали короткие прически и гладко выбритый подбородок, симпатичным архаизмом, как мы и видим у Диона²⁴.

Варваризация языка. Дион пишет, что ольвиополиты «по-гречески говорят не совсем уже чисто благодаря тому, что живут среди варваров (οὐκέτι σαφῶς ἐλληνίζοντες διὰ τὸ ἐν μέσοις οἰκεῖν τοῖς βαρβάροις)». Вместе с тем давно было замечено, что надписи Ольвии и других северо-западных городов Понта не дают никаких оснований для заключений о какой-либо «испорченности» греческого языка жителей этих городов. Вероятно, диалектальность греческого произношения, а возможно, и некоторых лексико-грамматических элементов устной речи, обусловленная длительной изоляцией понтийских колоний от метрополии, должна была резать слух таким образованнейшим людям своего времени, как Дион, а контекст «варваризации», в котором Дион подает свое описание жизни в Ольвии, предоставлял достаточно правдоподобное объяснение такой «испорченности» греческого языка. Об отсутствии резко выраженных признаков варварского влияния в языке ольвийских надписей писали многие исследователи²⁵.

Присутствие варваров в черте города. Невероятно, но факт: в описании Диона мы не находим ни одного упоминания о варварах в черте города. Скифы (или сарматы – Дион называет местных варваров то так, то эдак), по Диону, не играют, по-видимому, никакой роли во внутренней жизни Ольвии, если не считать постоянной угрозы их нападения. Вместе с тем представляется, что Дион не преминул бы описать скифа (или хотя бы упомянуть о его присутствии в городе), если бы он увидел его воочию на улицах и площадях Ольвии, в составе своих слушателей²⁶: это прибавило бы экзотичности и убедительности его

²⁴ Дион имел, очевидно, в виду описание длинноволосых ахейцев у Гомера (II. III. 43: κάρη κορώωντες).

²⁵ Латышев 1887: 177; Доватур 1965: 797: «Знакомство с ольвийскими надписями в недостаточной степени помогает нам интерпретировать сообщение Диона Хрисостома о 'неясном' греческом языке ольвиополитов в конце I в. н. э. ... По-видимому, и особенности ионийских говоров, и погрешности устной речи граждан Ольвии состояли в своеобразии выговора, в каких-нибудь фонетических тонкостях, которые не фиксировались в письменности»; Русяева А.С., Русяева М.В. 2004: 154: «В городе Дион Хрисостом слышал только эллинскую речь, в которой сохранялось даже ионийское диалектное произношение»; ср. с. 180: «Ни официальные документы, ни различные частные надписи даже в первые века н. э. не содержат каких-либо новых слов, которые можно было бы считать не эллинскими, за исключением имен и нескольких латинских терминов». О такой же ситуации в надписях Западного Понта см.: Stoian 1962; Doruțiu Boilă 1975: 152–157.

²⁶ См. также: Русяева 1998: 112; Русяева А.С., Русяева М.В. 2004: 165: «Бесспорно, он бы не преминул вспомнить, что в городе совместно с истинными эллинами уже проживали граждане варварского происхождения со столь необычными, а порой и труднопроизносимыми именами».

рассказу об удивительной (с точки зрения жителя метрополии) «варваризации» борисфенитов.

Более того, весь контекст рассказа Хрисостома говорит о чистоте этнического, социального и культурного облика Ольвии и ольвиополитов (которых Дион называет «жителями старинного эллинского города» – πόλιν οἰκοῦντες ἀρχαίαν καὶ Ἑλληνίδα – 18) и даже о некоторой консолидации ольвиополитов вокруг греческих традиций: языка и литературы, культа, архитектуры, политических институтов и пр.²⁷. Характерен образ прекрасного ольвийского юноши Каллистрата, который занимался красноречием и философией, из-за чего пользовался хорошей репутацией у сограждан. Почти все борисфениты усердно читали Гомера, и почти все знали наизусть Илиаду, некоторые из жителей Ольвии знали и почитали Платона. Дион подчеркивает их чисто эллинскую любознательность (τῷ τρόπῳ Ἑλλήνες), когда многие жители Ольвии сошлись к храму Зевса, чтобы послушать беседу приезжего ритор²⁸. Приезжих из метрополии или других городов Причерноморья купцов-перекупщиков ольвиополиты считают эллинами только по имени (ὀνόματι Ἑλλήνες), на деле же те в большей степени варвары (τῇ δὲ ἀληθείᾳ βαρβαρώτεροι), чем сами ольвиополиты (25). В этом не без самоуничижительной иронии признается один из авторитетнейших людей города, называющий себя βαρβαρίζων (т. е. говорящий на ломаном греческом), очевидно, по контрасту с высокообразованным греком «из центра», которого Гиеросонт называет ἑλληνικώτατος καὶ σοφώτατος (26). Таким образом, противопоставление «эллина–варвары» имеет у Диона более культурно-этический, нежели социально-этнический смысл.

Обычно подтверждением присутствия варваров в Ольвии считают следующие слова Диона (4–5): «Геты взяли и его (т. е. город Ольвию) и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии. Вследствие этого дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены, другие – в плохом виде, и при этом нахлынула в них масса варваров»²⁹. Мне представляется, что под «делами тамошних эллинов» (τῶν ταύτῃ Ἑλλήνων) Дион подразумевал скорее всего жителей «остальных городов по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии», недаром В.В.Латышеву

²⁷ Ср.: Трофимова 1959: 160 об «обобщенном литературно-философском образе идеальных граждан», рисуемом Дионом. Ср. также: Treu 1961: 141 ff.

²⁸ Ср.: Русаева 1986: 21: «То напряжение, с которым они слушали речь Хрисостома, свидетельствует, что перед известным оратором находилась не просто толпа, а просвещенные и умные граждане, понимающие его речь и разбирающиеся в его философии мироустройства, что явствует из ответной речи Гиеросонта».

²⁹ См., например: Античные государства 1984: 38: «Судя по сообщению Диона Хрисостома... в городе поселилось большое количество негреческого населения, которое оказало влияние на культуру Ольвии». Ср.: Крапівина 1994: 123–124.

пришлось сделать специальную оговорку о включении в число «тамошних» эллинов также и ольвиополитов³⁰, причем основанием для этого послужила ольвийская аутопсия Диона, которая, однако, как мы видели выше, не дает явных признаков «варваризации» Ольвии.

Таким образом, едва ли можно, основываясь только на свидетельствах Диона, говорить об этнически смешанном населении Ольвии послегетского периода (по крайней мере, в первые 150 лет после гетского завоевания). Таков вывод, основанный на анализе литературного источника. Что же говорят археологический и эпиграфический материалы? Подтверждают они или опровергают наш вывод?

Как известно, одним из важнейших признаков варваризации города, ее *conditio sine qua non*, является наличие туземного этнического элемента в составе населения города. Этот элемент может быть незначительным как в количественном отношении, так и с точки зрения социального статуса, а может играть важную роль в политической жизни города, вращаясь постепенно в греческую элиту; варвары могли жить смешанно с греками, а могли образовывать свои замкнутые гетто. Постоянное проживание варваров в черте города обычно фиксируется археологическими комплексами, имеющими признаки местной варварской культуры (например, лепная керамика, предметы культа варваров, варварский погребальный обряд некрополей и др.)³¹.

Насколько я знаю, археологи и историки не улавливают таких археологических следов пребывания гетского (или скифского, или сарматского) варварского населения в стенах Ольвии I в. н. э.³², что лишний раз подтверждает правильность нашего понимания высказываний Диона. Ольвия и в послегетский период продолжала функционировать как типично эллинский полис с обычными для него атрибутами демократической организации, хозяйствования, рели-

³⁰ См.: Латышев 1887: 173: «При этом он не называет прямо Ольвию, но очевидно, что именно ее главным образом он и имел в виду, так как здесь он мог воочию убедиться в щедрой примеси варварского элемента в составе городского населения, тогда как о других городах мог сказать это только понаслышке»; ср. также с. 146. Такого же мнения придерживаются В.Ф. Гайдукевич и С.И. Капошина (1951: 168), Т.В. Блаватская (1952: 176–177), В.Ф. Гайдукевич (1955: 57), В.Д. Блаватский (1959: 31) и др.

³¹ См. нашу классификацию этих процессов: Подосинов 1999: 8–15; Подосинов 2000: 59–75; ср.: Tsatskhelidze 2006: lxi–lxii.

³² См., например: Козуб 1984: 156–173, особенно с. 171 об отсутствии в некрополе Ольвии каких-либо следов негреческого элемента; так же видит ситуацию на ольвийском некрополе Д.С. Герцигер (1985: 16–18). В.В. Крапивина, анализируя керамику Ольвии римского времени, приходит к такому же выводу (Крапивина 1993: 143); см. также: Симоненко 2001: 123: «Антиковеды отрицают факт сарматизации Ольвии», хотя и признают близкое соседство сарматских племен к Ольвии во второй половине I в. н. э.

гиозных культов и культуры³³ несмотря на то, что после «второго основания» Ольвии с трудом восстанавливалась из руин.

Вместе с тем, многие исследователи отмечают резкое возрастание количества негреческих имен в ольвийской эпиграфике первых веков н. э., в чем им видится подтверждение словам Диона о значительной варварской инфильтрации в греческие города³⁴. И действительно, процесс «варваризации» ольвийской ономастики идет по восходящей линии – от практического отсутствия негреческих имен в I в. до н. э. до обилия имен иранского происхождения во II–III вв.³⁵ Однако при том, что точная датировка обычно затруднена³⁶, лишь несколько надписей, содержащих негреческие имена, исследователи относят к I в. н. э., да и то предпочитают датировать их более широко хронологически (например, концом I – II в. н. э. или – как часто в своде надписей В.В. Латышева – довольно расплывчатыми формулировками: *Romana aetas* или *imperatorum Romanorum aetas* или *aetas Romana posterior*³⁷). Таким образом, следует констатировать, что основная масса варварских имен относится к более поздним надписям II–III вв.³⁸

Но и при рассмотрении более поздних надписей не все оказывается так просто с варварскими именами. Чисто греческий характер различных сторон полисной жизни Ольвии, сохранившийся и во II–III вв., позволяет рассматривать нарастание в это время числа варварских имен скорее как результат интенсивной эллинизации местных варваров, чем как варваризацию греков³⁹.

³³ См., например: Ehrhardt 1983: 78; Молев 2003: 269–275.

³⁴ Латышев 1887: 176; Книпович 1956: 135: «...Рассмотрение ольвийских надписей первых веков н. э. дает возможность установить присутствие большого количества негреческих имен, что, естественно, заставляет вспомнить сообщение Диона Хрисостома о “толпах варваров”, нахлынувших в восстановленные после гетского нашествия города»; ср.: Карышковский 1993: 86–95; Vinogradov, Kryžickij 1995: 145; Крыжицкий, Лейпунская 1997: 33, 37.

³⁵ Для периода V–I вв. до н. э. во всей ольвийской эпиграфике (включая ее хору) встречается менее 20 «варварских» имен, см.: Книпович 1956: 119–153 (ср. с. 134: «Не подлежит сомнению, что негреческая прослойка в населении догетской Ольвии не входила сколько-нибудь заметно в состав социальной верхушки города»); ср.: Виноградов 1981. С. 131–146. Крыжицкий и др. 1999: 398–399, 408–409 (Русяева). О просопографии ольвийских магистратов в первые века н. э. см.: Трещева 1977: 156–182.

³⁶ О сложности точной датировки ольвийских надписей римского времени см.: Карышковский 1993: 82–96.

³⁷ IOSPE. I². №№ 39, 42, 52, 80, 82–86, 89, 93, 96, 103, 135, 144, 150, 162, 174, 184, 185, 192, 202–204 и др.

³⁸ Так же считают Н. Эрхардт (Ehrhardt 1983: 78) и А.С. Русяева (Крыжицкий и др. 1999: 441).

³⁹ Ср.: Гайдукевич, Капошина 1951: 162–179; Козуб 1984: 171; Крапивина 1993: 143–144; Русяева А.С., Русяева М.В. 2004: 166: «Согласно надписям II – первой четверти III в., носители иранских имен чаще давали греческое имя сыну, чем наоборот, что указывает на процесс эллинизации, а не варваризации ольвийского общества».

При этом возможно также заимствование местных имен греками; по словам Э.И. Соломоник⁴⁰, «...нельзя ставить знака равенства между лингвистической и этнической принадлежностью имен; одни из них, видимо, принадлежали иноземцам, а другие были лишь заимствованы греками у фракийцев, скифов, сарматов и других племен Причерноморья и Малой Азии»⁴¹. О том же говорит, кстати, анализ римских имен в эпиграфике Ольвии I–III вв. н. э., который свидетельствует, что «видеть римлян в носителях таких имен оснований нет»⁴².

Итак, некоторое противоречие между эпиграфикой и свидетельствами Диона было бы возможно, только если надписи с негреческими именами надежно датировались бы I в. н. э. В этой связи представляет интерес одна ольвийская надпись, которую ее последние издатели датируют концом I – первыми десятилетиями II в. н. э., т. е. примерно тем временем, когда Ольвию посетил Дион⁴³. В ней воздаются хвалы некоему знатному ольвийскому юноше, каким (если бы не его имя) вполне мог бы быть знакомец Диона знатный греческий юноша Каллистрат, чьи добродетели описал Дион. Вот ее текст:

«При архонтах во главе с Антифонтом, сыном Анаксимена, месяца Кюанепсиона, архонт Антифонт, сын Анаксимена, предложил: так как Дадаг, сын Падага, юноша, происходящий от достойных предков, во многом показал свои высокие качества, прожив жизнь не только благопристойную и прекрасную, следуя во многом всему подобающему и справедливому, но и был удостоен должности, исполнение которой заслужило лучшую оценку, участвовал в посольстве к гегемонам, причем принес городу величайшую пользу в то время, когда над городом нависла большая и тяжелая опасность

⁴⁰ Соломоник 1973: 261; см. также об имени «Скиф» в Херсонесе Таврическом (Кадеев 1974: 56–63) и о имени «Колх» в греческой просопографии (Cecchladze [Tsetskhladze] 1990: 151–159); Крыжицкий и др. 1999: 399, 423 (Русяева); ср. также: Русяева А.С., Русяева М.В. 2004: 156 о персидском имени Оронт у потомственного знатного ольвиополита, сына Абаба, внука Каллисфена, зафиксированном в надписях начала I в. н. э., как свидетельстве тесных связей ольвийской семьи с «какими-то представителями разветвленного рода Митридата VI Евпатора или близко стоящих к нему людей в период вхождения Ольвии в Понтийское царство».

⁴¹ Ср. также: Ivantchik, Krapivina 2007: 116 о том, что иранские, фракийские, анатолийские и даже еврейские имена, встречающиеся в ольвийских надписях первых веков н. э., «ne rouvent pas indiquer l'origine ethnique de leur porteur».

⁴² Книпович 1968: 192; ср. с. 193.

⁴³ Надписи Ольвии 1968: 44–46, № 42 (= SEG III. № 583, 4). Надпись в этом издании подготовлена к печати Т.Н. Книпович. Первый издатель надписи О.О. Крюгер считал, что надпись относится к началу III в. н. э. (Крюгер 1925: 81–96). Т.Н. Книпович, исходя из характера письма надписи, выдержанного в традициях раннеримского времени, настаивает на ее более ранней датировке.

<и т. д.>, надлежит оказывать подобным гражданам почести и воздавать им хвалы, чтобы они и сами получили заслуженные почести и остальных побуждали к подобным подвигам».

Имя этого знатного гражданина Ольвии, «происходящего от достойных предков (γενόμενος προγόνων ἀγαθῶν)» – Дадаг, сын Падага (Δάδαγος Παδάγου); это имя встречается и в других ольвийских надписях⁴⁴ и определяется (как и имя его отца Падага) как иранское⁴⁵.

По нумизматическим данным мы знаем также, что некий ольвийский архонт Писистрат, сын Дадака (вариант имени нашего Дадага⁴⁶), выпускал в 81–98 гг. н. э. (т. е. практически во время визита Диона в Ольвию) от своего имени медные монеты с головой Аполлона на аверсе и орлом на реверсе⁴⁷. Интересно отметить, что еще по одной ольвийской надписи отцом ольвийского стратега Дадака (отца Писистрата?) был некий Гиеросонт⁴⁸. Если мы вспомним, что к Диону в Ольвии от лица собравшихся у храма Зевса граждан обратился Гиеросонт, которого Дион характеризует как «старейшего по летам и пользовавшегося величайшим уважением (πρεσβύτατος αὐτῶν καὶ μέγιστον ἄξίωμα ἔχων)», т. е. он был представителем высшей власти в городе, то выглядит вполне правдоподобным предположение, что Дион мог разговаривать именно с отцом Дадака Гиеросонтом⁴⁹.

Таким образом, вполне можно предположить, что, рисуя идеальный образ греческого патриархального городка, Дион не хотел замечать в нем людей со

⁴⁴ IOSPE I², №№ 137 и 139.

⁴⁵ Zgusta 1955: 92.

⁴⁶ В ольвийских надписях часто варьируется написание имен (особенно «варварско-го» происхождения): Фарнак / Фарнаг, Абнаг / Абнак, Флиманаг / Флиманак, Падаг / Падак / Бадаг / Батаг / Батак.

⁴⁷ Карышковский 2003: 291; Фролова, Абрамзон 2005: 32, 200–201, 230–231. Возможно, что тот же самый Π[ι]σιστράτης Δαδάγου упомянут в ольвийском посвящении Ахиллу конца I – середины II в. н. э. (Dzikowski 1936: 84–91 1936, 84–91).

⁴⁸ Надписи Ольвии 1968: № 87: Δάδακος Γιεροσώντος. Надпись, ныне утраченную, относят к неопределенному «римскому времени» (см.: Карышковский 1959: 127–128).

⁴⁹ Так предполагает А.С. Русяева; см.: Русяева 1986: 21 (приходится допустить, что Гиеросонт был еще активен, когда его внук Писистрат стал архонтом). Заметим, что имена как Гиеросонта, так и Каллистрата – второго упомянутого Дионом ольвиополита, представлены в ольвийском эпиграфическом ономастиконе (см. Каллистрат в IOSPE I², №№ 97, 201 А, 19: Ναύτιμος Καλλιστράτου; Карышковский 1993: 73–77, № 1); Гиеросонт в IOSPE I², № 134, 332; Надписи Ольвии 1986: № 87 (в IOSPE I², № 2 это имя присутствует на надписи из Тиры 181 г. н. э.). Не следует все же забывать, что имя Γιεροσών в тексте Диона – это только эмендация рукописного ῥοσών, выполненная Августом Бекем (August Bockh в CIG 2, 115), основанная на присутствии этого имени в ольвийской просопографии. О значении этого имени и его носителя у Диона см.: Treu 1961: 147, 153; Nure 2005: 34–35.

странными именами, не вписывающимися в общую картину старомодного эллинизма. И здесь уже, если датировка надписей надежна, а иранские имена – не просто дань моде, придется усомниться в источниковой точности и достоверности самого Дионова свидетельства. В любом случае оказывается, что, если анализ эпиграфики приводит к выводу, что «негреческие элементы в первые века н. э. ... становятся участниками управления городом вместе с потомками греков, и не в меньшем количестве, чем последние; они входят в наиболее состоятельную, наиболее влиятельную группу ольвийских граждан»⁵⁰, то Дион, по его словам, среди ольвиополитов, слушавших его речь перед храмом Зевса (а там находилась именно «наиболее состоятельная, наиболее влиятельная группа ольвийских граждан» – οἱ πρεσβύτεροι καὶ οἱ ὑνωριώτατοι καὶ οἱ ἐν ταῖς ἀρχαῖς – 17), видел одних только эллинов.

В последнее время осознание этого факта заставляет исследователей искать какие-то другие его объяснения, в частности, относить проникновение варваров в греческую общину Ольвии ко времени после посещения Дионом города. Вот как видят этот процесс Анна Станиславовна и Марина Викторовна Русяевы⁵¹:

«С целью повышения обороноспособности и ускорения экономического подъема, как и во время осады Зопириона, в гражданский коллектив Ольвии была включена небольшая группа военной элиты сарматского и эллино-скифо-сарматского происхождения. Это произошло приблизительно на рубеже I–II вв. – вскоре после отъезда Диона Хрисостома... С этого времени в ольвийских надписях постоянно отмечаются ираноязычные имена ольвийских архонтов, стратегов, агораномов, послов, наряду с чисто эллинскими и смешанными именами».

Такая интерпретация хода исторических событий может оказаться полезной для «спасения» репутации Диона как достоверного свидетеля, каждое слово которого следует воспринимать как истинное. А при неясности датировок надписей эта интерпретация приобретает и реальный смысл.

Другую точку зрения высказала В.В. Крапивина, которая считает, что

«в восстановленном после гетского разгрома городе, очевидно, гражданская община Ольвии формируется заново, не только из коренных ольвиополитов, но и из части эллинизированного на-

⁵⁰ Книпович 1956: 135.

⁵¹ Русяева А.С., Русяева М.В. 2004: 165; ср.: Крыжицкий и др. 1999: 444–445, 455–456 (Русяева).

селения нижнеднепровских городищ. Это первоначально ираноязычное население (скифы), перенявшее античную культуру... по-видимому, и дало большое количество иранских имен среди должностных лиц в надписях Ольвии. При этом следует подчеркнуть, что жители Ольвии, как с греческими, так и с иранскими или смешанными именами, ощущали себя греками: они говорили по-гречески, поклонялись греческим богам, отправляли высшие должности»⁵².

Из этого тезиса можно заключить: варвары настолько эллинизировались, что Дион не смог уже распознать в них варваров. Но что делать с «варварскими» именами? Остается предположить, что Дион умолчал об этом лингво-антропологическом казусе, рисуя картину идеализированного греческого полиса, что ставит под сомнение достоверность его ольвийского рассказа.

И это сомнение дает повод обсудить и другие подходы к пониманию обсуждаемой здесь проблемы, существующие в мировой историографии.

Наряду с исследованиями археологов и историков, напрямую вовлеченных в изучение Ольвии и с этой стороны интерпретирующих свидетельство Диона, в последние десятилетия появилось несколько работ историков греческой литературы и культуры, в которых речь Диона активно обсуждалась с другой перспективы – самого Диона, его взглядов, идей и представлений. Эти труды оказываются полезными для понимания механизма трансформации личных впечатлений автора в литературные повествовательные формы, меняют акценты в оценке достоверности информации Диона и иногда противоречат буквальной интерпретации слов Диона со стороны археологов⁵³. Ниже я рассмотрю некоторые, наиболее важные из этих работ, затрагивающие проблему варваризации Ольвии.

Насколько я знаю, вопрос о достоверности информации Диона об Ольвии впервые был поставлен во весь рост и исследован в 1959 г. в работе Марианны Казимировны Трофимовой, где автор попыталась поставить сведения Диона

⁵² Крапивина 1999: 297–298; ср. 301; см. также: Крапивина 1994: 123–129; Крапивина 2007: 13–14; Крапивина 2011: 485–492. Так же.: Зубар 1996: 128–132.

⁵³ Уже Э. Миннс в 1913 г. писал о свидетельстве Диона следующее: «His picture is probably true in outline though no doubt the light and shade are exaggerated. We must not forget that we are dealing with a professional rhetorician who wishes to lay stress on the isolation of Olbia, the calamities it had suffered in the past, the hourly dangers from foes outside, the meagerness of the intellectual fare within the citizens' reach, in order to throw up the survival among them of the true Hellenic spirit, of martial courage, proud independence, love of the old national poet and eagerness for any chance of culture» (Minns 1913: 466). К сожалению, эти слова остались неизвестны почти всем последующим историкам Ольвии (его цитирует только Курт Трой, см. о его позиции ниже).

в общий контекст его речи и – в более широком плане – в контекст его социально-этических и политических воззрений. М.К. Трофимова справедливо протестует против отношения к речи Диона как к «холодному повествованию очевидца, за которое, по-видимому, принимают XXXVI речь некоторые специалисты по истории Северного Причерноморья»⁵⁴.

Исследовательница, в отличие от предшествующей историографии, отмечает отсутствие в «картине идеального полиса» черт, свидетельствующих о «социальных результатах варваризации, процесса, насыщенного борьбой и глубокими внутренними сдвигами и потрясениями»⁵⁵. Этим важным выводом подтверждается наше положение об отсутствии в описании Ольвии у Диона той сильной варваризации, в которой не сомневается большинство историков Северного Причерноморья.

Следует, однако, отметить, что М.К. Трофимова приписывает этот факт сознательной идеализирующей тенденции Диона, исходя тем не менее из априорного признания наличия такой варваризации в Ольвии⁵⁶. Но ведь именно речь греческого риторика и философа послужила одним из главных оснований для заключения такого рода...

В последние годы проблема достоверности ольвийского рассказа Диона стала предметом рассмотрения нескольких зарубежных исследователей. Сразу надо сказать, что по сути это – продолжение той линии в анализе сведений Диона, которую открыла М.К. Трофимова (о чем они, как правило, не знают) и которая заключается в рассмотрении исторической информации Диона в широком контексте его речи и всего его творчества⁵⁷.

Прежде всего следует упомянуть статью восточногерманского исследователя Курта Троя (1961)⁵⁸, который решил взглянуть на речь Диона с точки зрения филолога и задаться вопросом о намерениях Диона. Как и М.А. Трофимова⁵⁹, Трой указал на литературный характер некоторых черт описания Диона, который был в большей мере моралистом и философом, нежели историком. Отмечая множество достоверных деталей в описании Диона (в том числе о

⁵⁴ Трофимова 1959: 161. Ю.Г. Виноградов также проникательно отметил, что Ольвия – это для Диона «экзотический фон, на котором ему удобнее... излагать свое философское кредо о “хорошо устроенном городе”» (Виноградов 1989: 17).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ При этом М.К. Трофимова ссылается на свидетельства Овидия, описавшего, по ее мнению, аналогичную ситуацию в Томах.

⁵⁷ Из общих работ о жизни и творчестве Диона см.: von Arnim 1898; Schmidt 1905: 848–877; François 1922; Jones 1978; Desideri 1978; Salmeri 1982; Brancacci 1985; Dio Chrysostom 2000; Hinge 2006: 61–77.

⁵⁸ Treu 1961: 137–154.

⁵⁹ Трой познакомился со статьей Трофимовой, уже закончив свою, и отметил в последней сноске близость ее основных положений своим собственным (Treu: 154, Anm. 2).

«варваризации» Ольвии⁶⁰), Трой показывает литературный характер «говорящих» имен ольвиополитов Каллистрата и Гиеросонта, упомянутых Дионом, несколько идеализирующее описание почитания Гомера в Ольвии, а также намеренную драматизацию положения города во вражеском окружении. Моралистско-романтическое изображение эллинов на краю ойкумены, героически отстаивающих свое «эллинство», также относится к литературно-тенденциозной составляющей Дионова описания.

Для западных исследователей наиболее авторитетной является работа К.П. Джоунса «Римский мир Диона Хрисостома» (1978 г.)⁶¹. Обсуждая общие особенности «Борисфенитской речи», Джоунс отмечает, что в описании Ольвии чувствуется некоторое «романтическое преувеличение», хотя нет сомнений, что оно имеет истоком его собственные впечатления⁶². По мнению исследователя, «хотя описание Дионом города выглядит вполне точным, его изображение жителей города кажется несколько преувеличивающим их оторванность от основного греческого мира»⁶³; Джоунс считает, что язык надписей Ольвии ничем не отличается от языка любого города того времени⁶⁴; преувеличения Диона Джоунс объясняет намерением Диона изобразить общину Ольвии как идеал доблести и самодостаточности⁶⁵. Позитивно следует оценить знакомство Джоунса с работами по Ольвийской истории, археологии и эпиграфики, опубликованными на западноевропейских языках (Е.Н. Minns, M.I. Rostovtzeff, E. Belin de Ballu и A. Wąsowicz).

В своем издании Борисфенитской речи Диона⁶⁶ в 1992 г. британский филолог Д.А. Расселл во вступительной статье и в комментарии специально обсуждает эту проблему, ставя вопрос, насколько можно доверять Дионову описанию Ольвии⁶⁷. Исходя из общей направленности речи, ее философского и религиозного содержания, ее обращенности к жителям Прусы, Расселл не спешит принимать все, что говорит Дион, за чистую монету. В частности, он не считает изображение ольвиополитов идеализированным, находя многие за-

⁶⁰ Ibidem: 141–142.

⁶¹ Jones 1978.

⁶² Ibidem: 61.

⁶³ Ibidem: 63.

⁶⁴ Ibidem: 63.

⁶⁵ Ibidem: 63. Дж. Моулз видит в ольвийском рассказе Диона «the mixture of the realistic and the literary, the serious and the humorous» и согласен с Джоунсом в вопросе о некоторых преувеличениях (Moles 1995: 184).

⁶⁶ Dio Chrysostom: 1992.

⁶⁷ Ibidem: 22: «How far is his description of Olbia to be believed? It is perhaps the most vivid account of such a city that we have, and the details... look like the genuine observations of an eyewitness. Archaeologists have generally trusted it, even when they are unable (as with the site of the temple of Zeus) to confirm it on the ground».

мечания Диона об их «ионийских» пристрастиях, вкусах и нравах, а особенно об их обожании Гомера и Ахилла лишенными идеализации и подчеркивающими их странность и неактуальность для жителей Прусы⁶⁸. Тем не менее в большинстве свидетельств Диона Расселл не видит сильных расхождений с исторической действительностью⁶⁹.

В своих статьях 1997 и 1999 гг.⁷⁰ другой исследователь из Великобритании, Дэвид Браунд, развивая идеи Расселла, попытался развенчать распространенное у археологов и историков «обыкновение использовать этот рассказ в качестве прямого сообщения о реальной ситуации в Ольвии»⁷¹. Рассказ об Ольвии является вступлением к изложению философской концепции Диона и должен был подкреплять его философскую аргументацию, и уже поэтому он не мог быть бесхитростным повествованием очевидца. Браунд отмечает некоторые следы литературного влияния на рассказ Диона со стороны его предшественников – Гомера, Геродота, Платона⁷², Ксенофонта, возможно, даже Овидия и других авторов. Желание показать жителям Прусы и всему греческому миру состояние греческого города, находящегося на краю эллинской ойкумены в условиях варварского враждебного окружения⁷³ и в условиях культурной изоляции, приводило Диона к некоторым преувеличениям и искажениям в описании местной жизни. Так, Браунд не верит Диону, когда он изображает Ольвию как «культурно изолированный центр с бедной эллинистической культурой», указывая, в частности, на Березанский гимн острову и Ахиллу, написанный местным греком примерно в то же время, что и посещение Дионом Ольвии, и показывающий высокое владение поэтическим искусством⁷⁴. Объяснение Дионом «испорченности» греческого языка ольвиополитов варварским влиянием

⁶⁸ Ibidem: 23.

⁶⁹ Ibidem: 214: «Dio's description broadly corresponds with what is known from excavations, but the details are naturally hard to confirm, and allowance has to be made for some conventional elements».

⁷⁰ Braund 1997: 121–136; специально о данных Диона см. с. 126–131. Расширенная и дополненная версия этой части английской статьи вышла в русском переводе: Браунд 1999: 271–282.

⁷¹ Браунд 1999: 271.

⁷² Что касается реминисценций из Платона, М. Трапп, исследовавший эту проблему специально, отмечал, что «in no other oration do we find Plato as both topic and model, both named and assessed, and made the object of literary mimesis» (Trapp 2000: 219). Заимствования из Геродота отмечал уже К. Трой (Treu 1961: 139–140; 144–145).

⁷³ Ср.: Браунд 1999: 275: «Изображая Ольвию в качестве общества, сплоченного перед напором врагов, грозивших ему настоящей войной, Дион указывает имплицитно на губительную бесполезность вражды Прусы с ее соседями и внутренних раздоров в самом городе, которые происходят от отсутствия реальной внешней угрозы».

⁷⁴ См.: Браунд 1999: 276 о связи Ольвии с другими греческими городами Черного моря и даже с Прусой.

представляется Браунду обычной тенденцией эллинского мировоззрения «сокрушаться о вредоносном эффекте, оказываемом местными варварами на греческий язык города»⁷⁵. В то же время сам Браунд признает «ощутимое “варварское” присутствие в местном населении с первых лет существования города» и тем самым характеризует модель Диона как «в лучшем случае упрощение»⁷⁶.

На что же опирается Браунд в своем утверждении о варваризованности населения Ольвии? Он ссылается на одну только работу К.К. Марченко⁷⁷, которая, однако, исследует период с VII по I в. до н. э. и не касается проблемы рассматриваемого периода. Марченко анализирует лепную керамику, которая могла быть произведена «варварским» населением Ольвии (фракийцами, скифами, сарматами, кельтами и др.) и которая составляет только 3% всей ольвийской керамики в VII–III вв. и 8–10% в III–I вв. до н. э.⁷⁸ Собственный вывод Марченко заключается в том, что эта керамика не привела к какой-то заметной варваризации ольвиополитов⁷⁹ и что она могла принадлежать к тем элементам местного населения, которые были зависимы от греков: государственным рабам, беднейшим полузависимым или свободным варварам, а также малоимущим греческим гражданам⁸⁰. Не все археологи разделяют мнение Марченко о присутствии варваров в составе населения Ольвии, основанное лишь на наличии лепной керамики⁸¹. Тем не менее, после публикации статьи Браунда некоторые исследователи, со ссылкой на нее, утверждают, что Дион стремится «не замечать в городе варваров, чье присутствие здесь доказывают археологические исследования»⁸².

Больше в статье нет никаких сопряжений этих сведений с данными истории или археологии, поэтому вывод Браунда в конце статьи о том, что рассказ Диона «не соответствует картине Ольвии, формирующейся по другим источ-

⁷⁵ Браунд 1999: 277. Браунд ссылается на Arrian. PPE, 1 и Philostr. Vita Apoll. I. 24.

⁷⁶ Браунд 1999: 277–278.

⁷⁷ Марченко 1988.

⁷⁸ Там же: 124.

⁷⁹ Там же: 131.

⁸⁰ Там же: 134. Такое же соотношение лепной и кружалной керамики в первых веках н. э. (10.77%; см.: Крапивина 1993: 125) свидетельствует о том, что в I в. н. э. не было драматичного усиления «варварского» элемента, если мы склонны видеть за лепной керамикой «варваров». Интересно отметить, что большинство типов ольвийской лепной керамики имеют ближайшие аналоги на Боспоре Киммерийском, а не в варварской округе Ольвии (Крапивина 1993: 105–107).

⁸¹ См, например, скептицизм А.С. Русяевой (Крыжицкий и др. 1999: 396–397, 410–411, 420). Ср. также: Крапивина 1993: 126 об отсутствии в ольвийской лепной керамике первых веков н. э. каких-либо этнических признаков.

⁸² Salmeri 2000: 85. N. 158 со ссылкой на работу: Braund 1997: 129.

никам, в том числе археологическим»⁸³, звучит несколько неожиданно, хотя остальные выводы, показывающие более широкий контекст, в который включены данные Диона, представляются вполне справедливыми.

В 2003 г. вышло немецкое комментированное издание Борисфенитской речи Диона, снабженное большим введением, немецким переводом и несколькими эссе⁸⁴. Среди последних к нашей теме напрямую относится эссе Бальбины Бэблер, посвященное проблеме «греки и варвары»⁸⁵. Бэблер, как и Расселл и Браунд (которых она часто цитирует), задается вопросами относительно описания Дионом Ольвии, «wie glaubhaft ist sie» и «was Dion *nicht* beschreibt»⁸⁶. Она справедливо указывает, что Дион сам формирует образ Ольвии, исходя из реальных явлений, и что нельзя воспринимать его описание как *Reisebericht*, игнорируя его литературную стилизацию. В качестве противоречия между историко-археологическими реалиями и сведениями Диона Бэблер упоминает: 1) имена (относящиеся к литературной традиции) Борисфен и борисфениты, которые Дион использует вместо реально бытовавших в городе имен Ольвия и ольвиополиты⁸⁷; 2) указание на тотальное разрушение всех статуй в городе (за 150 лет после гетского нашествия должны же были греки изваять новые); 3) рассказ о слабости городских укреплений, которые, по археологическим данным, были довольно массивными⁸⁸, а также 4) описание храма Зевса, около которого состоялась встреча Диона с ольвиополитами, при том, что остатки этого храма до сих пор не найдены⁸⁹. После таких «нестыковок» рассказа Диона и археологических данных Бэблер переходит к проблеме, интересующей нас сегодня, а именно, к проблеме взаимоотношений греков и варваров в Ольвии.

Что касается «скифской» одежды ольвиополитов, то Бэблер совершенно справедливо указывает на необходимость приспособления греков к условиям своей новой страны, которые диктовались климатом, окружением и необходимостью часто пользоваться лошадьми⁹⁰ (см. об этом выше). По поводу «испорченности» греческого языка ольвиополитов Бэблер замечает, что язык ольвийских надписей не дает никакого повода говорить об этом, хотя в это время

⁸³ Браунд 1999: 281.

⁸⁴ Dion von Prusa: 2003.

⁸⁵ Bähler 2003: 113–127.

⁸⁶ Ibidem: 113.

⁸⁷ Об этом писал уже К. Трой (Treu 1961: 140). См., однако: Карышковский 1967: 75–90 о Борисфене как общепринятом у средиземноморских греков названии Ольвии.

⁸⁸ Археологические раскопки в Ольвии показывают, однако, что слова Диона о сокращении территории города после гетского нашествия и низкой оборонительной стене полностью соответствуют действительности (см., например: Крыжицкий: 1985: 134–142; Крапивина 1993: 23; Крапивина 1999: 230, 233).

⁸⁹ Bähler 2003: 114–121.

⁹⁰ Ibidem: 121.

и должны были существовать различия между письменным и разговорным языком⁹¹ (об этом тоже шла речь выше). Важный для проблемы варваризации Ольвии вопрос о физическом присутствии варваров в черте города, не замечаемых Дионом, Бэблер решает просто: эпиграфика первого века нашей эры показывает многочисленные сарматские (от аорсов) имена, принадлежащие также архонтам, стратегам и жрецам, которые составляли в Ольвии большую прослойку миксэлленов⁹². К сожалению, здесь не упомянута ни одна надпись, а ведь, как мы показали выше, датировка надписей римского времени не так проста, и большинство надписей с этими именами принадлежит II–III вв. н. э. Заканчивает Бэблер свое эссе словами о том, что мы имеем дело «с описанием общины, которая хотя и “варваризировалась” под постоянным внешним воздействием, но при этом сохраняла свои традиции и до некоторой степени также эллинизировала свое окружение»⁹³. На мой взгляд, такой вывод никак не следует из аргументации автора, коль скоро ни одежда, ни язык ольвиополитов не кажутся ей признаком варваризации, а само присутствие варваров в городе выводится не из слов Диона, а лишь из общих соображений эпиграфического характера.

Кстати, хотя остатки храма Зевса в Ольвии до сих пор действительно не найдены, нет никаких сомнений в том, что он существовал⁹⁴. Известно, что первый храм Зевса был расположен на восточном теменосе рядом с храмом Аполлона Дельфиния⁹⁵. Историки и археологи считают, что после гетского завоевания в северной части Нижнего города был построен новый храм Зевса⁹⁶. Эпиграфический материал показывает, что начиная с IV в. до н. э. и на протяжении нескольких веков члены семьи Эврисибия (он сам и его потомки) были жрецами Зевса Элевтерия⁹⁷ (замечу, что Зевс имел в Ольвии и другие эпиклесы – Сотер, Полиарх, Басилевс, Теон Басилевс, Олимпийский)⁹⁸. Римским временем датируется одна надпись, в которой упоминается жрец Зевса Ольвийского⁹⁹. Другая надпись II–III вв. н. э. (декрет в честь Агафокла) требует, чтобы плита с этой надписью была размещена в храме Зевса (στῆσαι [ε]ἰς

⁹¹ Ibidem: 122–123.

⁹² Ibidem: 123–124.

⁹³ Ibidem: 127. Ср. также: Bähler 2007: 145–160.

⁹⁴ Так думал уже Э. Миннс: Minns 1913: 476; см. также: Treu 1961: 143.

⁹⁵ Латышев 1887: 168; Леви: 78–81; Молев 2003: 80.

⁹⁶ Крыжицкий 1985: 137; Крыжицкий 1993: 16, 190–191; Крыжицкий и др. 1999: 233 (Крапивина); Русяева А.С., Русяева М.В. 2004: 153, 175.

⁹⁷ Надписи Ольвии 1968: №. 71.

⁹⁸ Vinogradov Ju.G., Kryžickij S.D. Olbia. S. 112, 120–121.

⁹⁹ IOSPE I², № 42.18.

τὸ ἱερὸν τοῦ Δίος)¹⁰⁰. Поэтому обвинять Диона в фиктивном характере его описания храма Зевса (как это делают Рассел и Беблер) представляется не совсем корректным¹⁰¹.

Попытка объединить два подхода в истолковании данных Диона была недавно предпринята немецким исследователем Йоахимом Хупе. В статье 2005 г.¹⁰² и в разделе книги 2006 г.¹⁰³ Хупе исследует посвятельные надписи I–III вв. ольвийских магистратов и жрецов, обращенные к Ахиллу-Понтарху, и пытается на основе ономастического материала выяснить этнический состав населения Ольвии. При этом Хупе напрямую противопоставляет эти данные сведениям Диона.

Будучи хорошо знаком с украинско-русской археологической и эпиграфической литературой, Хупе чуть ли не впервые попытался соединить ее выводы с выводами «филологической» традиции, идущей от М.К. Трофимовой до Б. Бэблер¹⁰⁴.

Хупе подробно анализирует около 40 votивных надписей, посвященных Ахиллу Понтарху в римское время и содержащих более 200 личных имен, с целью исследовать процесс аккультурации, происходивший в Ольвии, в сравнении со сведениями Диона. По его данным, надписи содержат 54% греческих и 39% «варварских» имен. Получающееся противоречие между сведениями Диона, рисующего чисто греческую среду в Ольвии, и эпиграфическими данными, засвидетельствовавшими большой процент негреческих имен, Хупе объясняет литературным и идеализирующим характером его речи, устанавливаемым «филологической» традицией, к которой он присоединяется¹⁰⁵, т. е. отдает предпочтение эпиграфическим свидетельствам.

Хупе считает, что «Дионовская модель принципиального дуализма “греки внутри города” и “варвары снаружи” не соответствует общественным реалиям послегетской Ольвии»¹⁰⁶ и что из эпиграфического материала обнаруживается местное влияние на ольвийскую ономастику, не нашедшее никакого отражения в речи Диона из-за специфической литературной концепции речи¹⁰⁷. В то же

¹⁰⁰ Надписи Ольвии 1968: № 45.

¹⁰¹ Джоунс также ссылался на эту надпись, видя в ней доказательство существования в Ольвии при Дионе храма Зевса (Jones 1978: 63).

¹⁰² Хупе 2005: 27–42.

¹⁰³ Хупе 2006: 165–234.

¹⁰⁴ Резюмируя «филологическую» традицию, Й. Хупе констатирует, что «die Borysthenitische Rede nicht als historischer Tatsachenbericht aufzufassen ist, dessen Angaben jeweils vorbehaltlos für die Rekonstruktion der Lebensverhältnisse in Olbia an der Wende vom 1. zum 2. Jh. n. Chr. herangezogen werden könnten» (2006: 166).

¹⁰⁵ Хупе 2005: 27, 34–35.

¹⁰⁶ Ibidem: 28.

¹⁰⁷ Ibidem: 34.

время Хупе уверен, «что лингвистическая принадлежность собственного имени ни в коем случае не обязана быть идентичной этнической принадлежности его носителя»¹⁰⁸.

Что же касается главной проблемы, которая до сих пор была камнем преткновения для выводов о варваризации Ольвии во время Диона, а именно – хронологии анализируемых надписей, впервые в исследовании Й. Хупе мы видим попытку их серьезной датировки¹⁰⁹. Основываясь на работах Т.Н. Книпович и О.П. Карышковского, попытавшихся выработать критерии датировки надписей, Й. Хупе разбил все надписи по палеографическим признакам на несколько групп, первую из которых – принципиально важную для нас – он датировал последней четвертью I – серединой II в. н. э. К этой группе им отнесено 17 надписей (почему-то не указана еще одна, 18-я, под № 22, которая тоже датируется «последней четвертью I – серединой II в. н. э.»). Восемь из этих надписей датируются по просопографическим и прочим критериям более точно первой половиной II в. н. э. или серединой II в. Остается десять надписей широкой датировки (№№ 4, 6, 15, 19, 22, 26а, 28а, 31, 33, 360), которые *могут* оказаться относящимися к «последней четверти I в. н. э.». В этих 10 надписях содержится около 30 греческих имен, около 20 иранских и около 10 неизвестного (но негреческого) происхождения. Кажется, достаточно этого, чтобы «упрекнуть» Диона в тенденциозном замалчивании наличия варваров в Ольвии...

И опять мы вынуждены констатировать: и здесь нет необходимой определенности¹¹⁰: датируя первую группу надписей 75–150 годами, Й. Хупе признает, что «ни начало, ни конец этой серии надписей не поддается точной датировке, а принятые датировки следует понимать только как приблизительные»¹¹¹. Поэтому и в этом случае остается неясным, действительно ли противоречат сведения Диона данным эпиграфики или нет.

И все же мы не можем обойти стороной вопрос о причинах появления иранских имен в ольвийской просопографии в первые века нашей эры. Если архонты, стратеги, жрецы и агораномы – т. е. высшая социальная прослойка ольвийского общества – пусть и не в самом конце I в. н. э., а несколько позже, почти наполовину состоит из людей с иранскими именами¹¹², мы должны предположить многолетний процесс адаптации и аккультурации представителей варварского населения в самой Ольвии.

¹⁰⁸ Ibidem: 30.

¹⁰⁹ Der Achilleus-Kult. 2006: 176–186.

¹¹⁰ Об объективных трудностях при датировке надписей пишет сам Й. Хупе (2006: 176).

¹¹¹ Ibidem: 32.

¹¹² Й. Хупе отмечает, что в процентном отношении люди с местными «варварскими» именами чаще занимали должности агораномов, чем должности архонтов и жрецов, которыми чаще были греки (2006: 208, 234). Напомню, что коллегия агораномов ведала вопросами рынка и всем, с ним связанным.

В этой связи, пожалуй, довольно реалистичной выглядит точка зрения на причины появления варварских имен в просопографии Ольвии, высказанная В.В. Крапивиной (см. выше) и заключающаяся в совместном втором основании Ольвии после гетского разгрома греками и частью эллинизированного населения нижнеднепровских городищ¹¹³. Из этого тезиса можно заключить, что варвары после как минимум 100 лет совместной с греками жизни в Ольвии (а до этого в близрасположенных поселениях) настолько эллинизировались¹¹⁴, что Дион не смог уже распознать в них варваров. В такой ситуации много ли исказил Дион, говоря о слушателях своей лекции возле храма Зевса как об эллинах?

Другая точка зрения на резкое увеличение числа варварских имен в ономастике Ольвии предполагает одноразовую акцию по приему в состав гражданского коллектива полиса группы эллинизированных варваров, после которой они быстро становятся высшими должностными лицами (и даже жрецами!), ревностно чтущими эллинские ценности (как предполагает А.С. Русяева, см. выше). Такое вливание иноэтнического элемента в состав населения Ольвии должно было произойти уже после визита Диона в Ольвию, который не встретил здесь варваров. А.С. Русяева полагает, что сходство некоторых ираноязычных имен с таковыми на Боспоре может указывать на Боспор, откуда уже эллинизированные сарматы в составе боспорского воинского контингента могли быть приглашены властями Ольвии для защиты города от варварских нападений¹¹⁵.

Итак, по одной теории, Дион уже не застал варваров, так как они к его приезду эллинизировались, по другой – еще не застал, так как они появились в Ольвии после его визита. Надо признать, что обе теории снимают – каждая по-своему – остроту противоречия между данными Диона и эпиграфики в вопросе о варваризации Ольвии. Однако гипотетичность этих построений не дает пока возможности присоединиться к одному из них. Надеюсь, будущие

¹¹³ Крапивина 1993: 297–298; ср. 301; см. также: Крапивина 1994: 123–129. См. также критику этой концепции, заключающуюся в том, что за 3–4 десятилетия, проведенных будто бы ольвиополитами на нижнеднепровских городищах, сами эти городища должны были в большой степени эллинизоваться, а после восстановления города варварские черты должны были бы ярче проявиться в жизни Ольвии, чего не наблюдается (см.: А.С. Русяева в кн.: Крыжицкий и др. 1999: 439–440; Русяева, Супруненко 2003: 225–226; см., впрочем: Гаврилюк, Абикулова 1991: I, 15; II, 30).

¹¹⁴ Й. Хупе справедливо подчеркивает, что «wir es hier nicht mit einer bloßen 'äußeren' Anpassung im Sinne einer Akkomodation zu tun haben, sondern im kaiserlichen Olbia einen echten Akkulturationsprozeß greifbar machen können, der den gesamten kulturellen Habitus dieser Gruppe (Sprache, Religion und Brauchtum) umfaßte. Der Befund spricht gegen Multikulturalität, vielmehr für einen Verschmelzungsprozeß innerhalb der städtischen Führungsschicht, der die sarmatischstämmigen Polisbürger in die soziale und geistige Sphäre der Griechen einbezog.» (Hupe 2006: 239).

¹¹⁵ Русяева 1995: 33; Русяева 1998: 113.

исследования покажут, что же на самом деле происходило в Ольвии во второй половине I в. – начале II в. н. э.¹¹⁶

* * *

Думается, противоречия – мнимые или реальные, устанавливаемые между документальными источниками археолого-эпиграфического характера и описаниями очевидцев того же времени, могут объясняться тремя причинами. Во-первых, это некорректная интерпретация литературных свидетельств, трактуемых часто слишком упрощенно (в нашем случае, с одной стороны, квазиварваризация ольвиополитов, с другой – отсутствие варваров в стенах города, по Диону); тщательный анализ всех аспектов литературного источника может устранить кажущиеся противоречия. Во-вторых, – это неверное понимание документальных (эпиграфических) источников, например: что стоит за иранскими именами – сами варвары или греки, перенявшие их имена; датировка этих надписей также далека от необходимой точности, уточнение ее может устранить или усилить противоречия между этими двумя видами источников. В-третьих, следует всегда иметь в виду вольную или невольную тенденциозность автора, рисующего в угоду своим идеологическим целям и представлениям несколько иную картину действительности, которая в рамках литературного текста изображается по несколько иным законам, нежели сухой отчет о поездке. Эти вопросы еще не решены удовлетворительно. Я думаю, что учет этих трех обстоятельств позволит адекватнее понять исторические процессы, запечатленные в наших источниках.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются свидетельства Диона Хрисостома об Ольвии, которую он посетил в конце I в. н. э. и описал в своей знаменитой «Борисфенитской речи». Сравнительный анализ его речи со свидетельствами эпиграфики и археологии проливают свет на проблему варваризации Ольвии и на историчность известий Диона. Автор приходит к выводу о сложном характере корреляции между этими данными и неоднозначности свидетельств Диона.

¹¹⁶ А.И. Иванчик и В.В. Крапивина предприняли недавно попытку более точно датировать ольвийские надписи римского времени, исходя из имен одной семьи, выстраиваемых хронологически, и отсчитывая время смены поколений от надписи, имеющей датировку (Ivantchik, Krapivina 2007: 117–122). Признавая всю приблизительность такой датировки, они тем не менее приходят к выводу, что, например, надпись IOSPE, I², 101, в которой упомянуты варварские имена – Ουμβηουαρως Ουρυβαζου и Καρζεις Βωροφαζου (и их должность – стратеги!), может быть датирована ок. 90 г. н. э. Это обстоятельство заставляет снова задуматься о причинах столь раннего появления в Ольвии представителей местной элиты с варварскими именами.

Ключевые слова: история Ольвии, римский период, Дион Хрисостом, «Борисфенитская речь», варваризация, эллинизация, археология, эпиграфика

EVIDENCE OF DIO CHRYSOSTOM ABOUT THE BARBARIZATION OF OLBIA IN THE FIRST CENTURY AD IN COMPARISON WITH THE DATA OF ARCHAEOLOGY AND EPIGRAPHY

Alexander V. Podossinov

The *Oratio Borysthenitica* of Dio Chrysostom, in which he describes his visit to the Greek city of Olbia in the late 1st century AD, is most important evidence about the situation in Olbia in the Roman period. Comparative analysis of this speech with the epigraphic and archaeological evidence casts light on the problem of the barbarisation of Greeks in Roman times and lets us draw some conclusions about the validity of Dio as an historical source. Author does not share the opinion that Dion found in Olbia the strongly barbarised Greek city.

Keywords: Dio Chrysostom, Oratio Borysthenica, history of Olbia, barbarization of Olbiopolites, epigraphy, archaeology

ЛИТЕРАТУРА

- Античные государства* 1984: Античные государства Северного Причерноморья / Под ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликовой, В.С. Долгорукова. М.
- Блаватская Т.В.* 1952: Западнопонтийские города в VII–I вв. н. э. М.
- Блаватский В.Д.* 1947: Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М.
- Блаватский В.Д.* 1949: Северопонтийские города в конце II – I вв. до н. э. // Вестник МГУ. 7. С. 55–70.
- Блаватский В.Д.* 1959: Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М. С. 7–39.
- Браунд Д.* 1999: Сообщение об Ольвии Диона Хрисостома: литературная традиция и философские представления // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: вопросы источниковедения / Под ред. А.В. Подосинова. М. С. 271–282.
- Бураков А.В.* 1976: Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев.
- Виноградов Ю.Г.* 1981: Варвары в просопографии Ольвии VI–V вв. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации / Ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси. С. 131–146.
- Виноградов Ю.Г.* 1989: Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. М.
- Высокий М.Ф.* 2004: История Сицилии в архаическую эпоху. СПб.

- Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И. 1991: Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья. Новые материалы. I–II. Киев.
- Гайдукевич В.Ф. 1955: История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л. С. 23–147.
- Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И. 1951: К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // Советская археология. 15. С. 162–187.
- Гаспаров М.Л. 1978: Овидий в изгнании // Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М. С. 189–225.
- Горончаровский В.А. 2003: Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб.; М.
- Давыдова Л.И. 1990: Боспорские надгробные рельефы V в. до н. э. – III в. н. э. Каталог выставки. Л.
- Доватур А.И. 1965: Краткий очерк грамматики боспорских надписей // Корпус боспорских надписей. М.; Л.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. 1982: Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М. (Древнейшие источники по истории народов СССР).
- Зубар В.М. 1996: Ще раз про етнічний склад населення Ольвії в перших століттях нашої ери // Археологія. 4. С. 127–136.
- Кадеев В.И. 1974: Об этнической принадлежности носителей имени Скиф в Херсонесе // Советская археология. 3. С. 56–63.
- Карышковский П.О. 1959: Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 4. С. 111–131.
- Карышковский П.О. 1967: Заметки об Ольвии и Борисфене // ЗОАО. II (35). С. 75–90.
- Карышковский П.О. 1993: Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // ВДИ. 1. С. 73–96.
- Карышковский П.О. 2003: Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Одесса.
- Книпович Т.Н. 1956: Население Ольвии в VI–I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников // МИА СССР. 50. С. 119–153.
- Книпович Т.Н. 1968: К вопросу о римлянах в составе населения Ольвии I–III вв. н. э. // Античная история и культура Средиземноморья. Л.
- Козуб Ю.И. 1984: Историческая топография некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. Киев. С. 156–173.
- Крапивина В.В. 1993: Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев.
- Крапивина В.В. 1994: Про етнічний склад населення Ольвії в перші століття нової ери // Археологія. 2. С. 123–129.
- Крапивина В.В. 2007: Ольвия и ее роль в эллинизации населения Побужья и Поднепровья // Античный мир и варвары на юге России и Украины / Ред. А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк. М.; Киев; Запорожье. С. 5–17.

- Крапивина В.В.* 2011: Об этническом составе населения Побужья и Поднепровья в первые века н. э. (к проблеме корреляции данных археологии и лингвистики) // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб. С. 485–492.
- Крюгер О.О.* 1925: Эпиграфические мелочи // Известия Российской академии истории материальной культуры. IV. Л. С. 81–96.
- Крыжицкий С.Д.* 1985: Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев.
- Крыжицкий С.Д.* 1993: Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.
- Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А.* 1997: Ольвия. Раскопки, история, культура. Николаев.
- Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А.* 1999: Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев.
- Латышев В.В.* 1887: Исследование об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.
- Леви Е.И.* 1986: Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.
- Марченко К.К.* 1988: Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н. э. Л.
- Молев Е.А.* 2003: Эллины и варвары на северной окраине античного мира. М.
- Надписи Ольвии* 1968: Надписи Ольвии (1917–1965) / Ред. Т.Н. Книпович и Е.И. Леви. Л.
- Подосинов А.В.* 1979: Овидий и Дион Хрисостом о варваризации греческих городов Северо-Западного Понта в I в. н. э. // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М. С. 19–32.
- Подосинов А.В.* 1984: Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1983. М. С. 8–178.
- Подосинов А.В.* 1985: Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. Тексты, перевод, комментарий. М.
- Подосинов А.В.* 1999: Проблема взаимоотношений варваров и греков в античном Северном Причерноморье (К вопросу о характере контактных зон) // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М. С. 8–15.
- Подосинов А.В.* 2000: Варваризация эллинов и эллинизация варваров: К диалектике этно-культурных контактов в Северном Причерноморье // Подосинов А.В. Проблемы исторической географии Восточной Европы (Античность и раннее средневековье). Lewiston; Queenston; Lampeter. С. 59–75.
- Подосинов А.В.* 2005: Письменный источник и археология (на примере Борисфенитской речи Диона Хрисостома) // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. СПб. С. 9–16.

- Русяева А.С.* 1986: О культурной жизни Ольвии послегетского периода // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры / Под ред. В.А. Анохина, В.М. Зубаря, А.С. Русяевой. Киев. С. 3–25.
- Русяева А.С.* 1995: Ольвійсько-сарматські відносини у другій половині I ст. н. е. // Археологія. 4. С. 24–37.
- Русяева А.С.* 1998: «Борисфенітська промова» Діона Хрисостома як критерій для вивчення деяких аспектів історії Ольвії // Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького / Ред. О. Пономарев. Київ. С. 107–116.
- Русяева А.С., Русяева М.В.* 2004: Ольвия Понтийская. Город счастья и печали. Киев.
- Симоненко А.В.* 2001: Сарматы и ольвийское государство: современная историография проблемы // Ольвия та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвия» НАН України. Київ. С. 122–124.
- Скржинская М.В.* 1977: Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев.
- Соколов Г.И.* 1999: Искусство Боспорского царства. М.
- Соломоник Э.И.* 1973: Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев.
- Трещева Ю.Н.* 1977: Просопография должностных лиц Ольвии I–III вв. н. э. // ВДИ. 4. С. 156–182.
- Трофимова М.К.* 1959: О некоторых источниковедческих проблемах XXXVI (Борисфенитской) речи Диона Хрисостома // ВДИ. 1. С. 151–162.
- Фролова Н.А., Абрамзон М.Г.* 2005: Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. Каталог. М.
- Шелов Д.Б.* 1975: Северное Причерноморье 2000 лет назад. М.
- Der Achilleus-Kult* 2006: Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung / Hrsg. von J. Hupe. Leidorf (Internationale Archäologie 94).
- Armayer O.K.* 1978: Did Herodotus ever go to the Black Sea? // Harvard Studies in Classical Philology. 82. P. 45–62.
- Arnim H. von* 1891: Leben und Werke des Dios von Prusa. Berlin.
- Arnim H.* 1898: Dio von Prusa. Berlin.
- Bäbler B.* 2003: Behoste Griechen im Skythenland: Erscheinungsformen und Wahrnehmung antiker Kultur in ihren Grenzbereichen // Dion von Prusa. Menschliche Gemeinschaft und göttliche Ordnung: Die Borysthenes-Rede / Eingeleitet, übersetzt und mit interpretierenden Essays versehen von Heinz-Günther Nesselrath, Balbina Bäbler, Maximilian Forschner und Albert de Jong. Darmstadt. S. 113–127.
- Bäbler B.* 2007: Dio Chrysostom's Construction of Olbia // Classical Olbia and the Scythian World from the Sixth Century BC to the Second AD / Ed. by D. Braund and S.D. Kryzhitskiy. Oxford.
- Brancacci A.* 1985: Rhetorike philosophousa: Dione Crisostomo nella cultura antica e bizantina. Napoli.

- Braund D.* 1997: Greeks and Barbarians: The Black Sea Region and Hellenism under the Early Empire // S.E. Alcock (ed.). The Early Roman Empire in the East. Oxford. P. 121–136.
- Bresson A.* 1993: Les cités grecs et leurs emporia // L'emporion / A. Bresson, P. Rouillard (eds.). Paris. P. 163–226.
- Bury J.B.* 1897: The European Expedition of Darius // *ClRev.* 11. P. 279–282.
- Cecchladze (=Tsetskhladze) G.R.* 1990: Zu den kolchischen Sklaven in der griechischen Welt // *Klio.* 72. S. 151–159.
- Daicoviciu H.* 1972: Dacia de la Burebista la cucerirea romană. Cluj.
- Desideri P.* 1978: Dione di Prusa. Un intellettuale Greco nell' impero romano. Firenze.
- Dio Chrysostom* 1992: Orations VII, XII and XXXVI / Ed. by D.A. Russell. Cambridge.
- Dio Chrysostom* 2000: Politics, Letters, and Philosophy / Ed. S. Swain. Oxford.
- Dion von Prusa* 2003: Menschliche Gemeinschaft und göttliche Ordnung: Die Borysthenes-Rede / Eingeleitet, übersetzt und mit interpretierenden Essays versehen von Heinz-Günter Nesselrath, Balbina Bäbler, Maximilian Forschner und Albert de Jong. Darmstadt.
- Doruțiu Boilă E.* 1975: Contribution épigraphique à l'histoire de Tomis à l'époque di Principat // *Dacia N.S.* 19. P. 152–157.
- Dzikowski N.* 1939: The Olbian Inscription CIG 2080 Rediscovered // *JHS.* 59. P. 84–91.
- Ehrhardt N.* 1983: Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main; New York.
- Fitton Brown A.D.* 1985: The Unreality of Ovid's Tomitanian Exile // *Liverpool Classical Monthly.* 10. P. 19–22.
- François L.* 1921: Les sources du Borysthéniticos de Dion Chrysostome // *Revue des études grecques.* 34. 1921. P. 44–63.
- François L.* 1922: Essai sur Dion Chrysostome. Philosophe et moraliste cynique et stoïcien. Diss. Paris.
- Georges P.* 1987: Darius in Scythia: The Formation of Herodotus' Sources and the Nature of Darius Campaign // *American Journal of Ancient History.* 12. P. 97–147.
- Hinge G.* 2006: Dions Borysthenitiske Tale: et zoroastrisk opgør med skythervæsenet // *Dion af Prusa. En græsk intellektuel mellem Sortehavet og Rom / Redigeret af Tønnes Bekker-Nielsen og Jesper Majbom Madsen. Århus, 2006. P. 61–77.*
- Hofmann H.* 1987: The Unreality of Ovid's Tomitan Exile once again // *Liverpool Classical Monthly.* 12. P. 23.
- Hofmann H.* 2001: Ovid in Exile? // *Latein und Griechisch in Baden-Württemberg.* 2. S. 8–19.
- Hofmann H.* 2006: Ovids Exildichtung und die Frage nach der Historizität der Verbannung // *Owidiusz: twórczość, recepcja, legenda / B. Milewska-Ważbińska, J. Domański. Warszawa. S. 93–106.*
- Hupe J.* 2005: Der Dedikantenkreis des Achilleus als ein Gradmesser von Akkulturationsprozessen im kaiserlichen Olbia. Ein Beitrag zur olbischen Onomastik // *Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13.2–15.2.2003 / Hrsg. von F. Fless, M. Treister. Rahden, Westf. S. 27–42.*

- Hupe J.* 2006: Die Olbische Achilleus-Verehrung in der römischen Kaiserzeit // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung / Hrsg. von J. Hupe. Rhaden, Westfalen. S. 165–234.
- Ivantchik A., Krapivina V.V.* 2007: Nouvelles données sur le college des agoranomes d'Olbia à l'époque romaine // Une Koinè Pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le Littoral Nord de la mer Noire (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.) / Textes réunis par A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary. Bordeaux. P. 111–123.
- Jones C.P.* 1978: The Roman World of Dio Chrysostom. Cambridge.
- Kreuz P.-A.* 2012: Die Grabreliefs aus dem Bosporanischen Reich. Leuven; Paris; Walpole, Ma (Colloquia Antiqua 6).
- Lambrino Sc.* 1958: Tomis, cité gréco-gète // Ovidiana. Recherches sur Ovide / Ed. N.I. Herescu. Paris. P. 379–390.
- Levy M.A.* 1994: The Scythians of Herodotus and the Archaeological Evidence // The Archaeology of the Steppes: Methods and Strategies / Ed. B. Genito. Napoli. P. 64–70.
- Lindisch F.* 1888: De rebus Olbiopolitarum. Diss. Halle.
- Minns E.H.* 1913: Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the North coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge.
- Moles J.* 1995: Dio Chrysostom, Greece, and Rome // Ethics and Rhetoric: Classical Essays for Donald Russel on his Seventy-Fifth Birthday / Ed. I. Doreen, H. Hine, C. Pelling. Oxford. P. 177–192.
- Nesselrath H.-G., Bäßler B., Forschner M., de Jong A.* 2003: Dion von Prusa. Menschliche Gemeinschaft und göttliche Ordnung: Die Borysthenes-Rede. Darmstadt.
- Noonan T.E.* 1973: The Grain Trade of the Northern Black Sea in Antiquity // AJPh. 94. P. 231–242.
- Nowak Th.J.* 1988: Darius' Invasion into Scythia. Geographical and Logistical Perspectives. Miami.
- Podossinov A.V.* 1987: Ovids Dichtung als Quelle für die Geschichte des Schwarzmeergebiets. Konstanz.
- Podossinov A.V.* 1996: Barbarisierte Hellenen – hellenisierte Barbaren: Zur Dialektik ethno-kultureller Kontakte in der Region des Mare Ponticum // Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums. 9.–14. März 1994 in Berlin / Hrsg. von B. Funk. Tübingen. S. 415–425.
- Russel D.A.* (ed.) 1992: Dio Chrysostom. Orations VII, XII and XXXVI. Cambridge.
- Salmeri G.* 1982: La politica e il potere. Saggio su Dione di Prusa. Catania.
- Salmeri G.* 2000: Dio, Rome and the Civic Life of Asia Minor // Dio Chrysostom. Politics, Letters, and Philosophy / Ed. S. Swain. Oxford. P. 53–92.
- Schmid W.* 1905: Dio Cocceianus // RE. 10. Hlbd. Col. 848–877.
- Silberman A.* (ed.) 1995: Arrien. Périple du Pont-Euxin. Paris.
- Stoian J.* 1962: Tomitana. Contribuții epigrafice la istoria cetății Tomis. Bucurest.

Swain S. (ed.) 2000: *Dio Chrysostom. Politics, Letters, and Pilosophy.* Oxford.

Trapp M. 2000: *Plato in Dio // Swain 2000.* P. 213–239.

Treu K. 1961: *Zur Borysthenitica des Dion Chrysostomus // Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes / Hrsg. von J. Irmscher, D.B. Schelov.* Berlin. S. 137–154.

Tsetskhladze G.R. 2006: *Revisiting Ancient Greek Colonisation // Greek Colonisation. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas / Ed. G.R. Tsetskhladze.* Leiden; Boston.

Vinogradov Ju.G., Kryžickij S.D. 1995: *Olbia. Eine altgriechische Stadt im nordwestlichen Schwarzmeerraum.* Leiden; New York; Köln.

Zgusta L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung.* Praha.

